

П. 9069.

Всеобщая бібліотека Г. О. Львовича.

*Узр. бібліотека
С. П. Новосілки
Апр. 1906*

Фридрихъ Энгельсъ.

Людвигъ Фейербахъ.

V

V ФИЛИА

Съ приложеніями:

- I. *К. Марксъ о французскомъ матеріализмѣ XVIII ст.*
- II. *К. Марксъ о Фейербахѣ.*

Переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями
Г. В. ПЛЕХАНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1906.

Предисловіе переводчика.

Уже давно мнѣ приходилось указывать на то, что торжествующая реакція облекается у насъ, между прочимъ, въ философскій костюмъ, и что для борьбы съ этой реакціей русскимъ марксистамъ неизбежно придется заниматься философией. Это мое предвидѣніе вполне подтвердилось послѣдующими событіями. Русскимъ марксистамъ пришлось взяться за философію. Но такъ какъ они взяли за нее очень поздно и, по народному выраженію, *не дружно*, то и результаты получились не особенно отрадныя. Подчасъ приходилось почти сожалѣть о томъ, что нашимъ товарищамъ попадались въ руки философскія книги. Сожалѣть — потому, что они не умѣли критически отнестись къ изучаемымъ ими авторамъ и кончали тѣмъ, что сами подчинялись ихъ вліянію. А такъ какъ современная философія не только у насъ, но и на Западѣ стоитъ подъ знакомъ реакціи, то въ революціонныя головы попадало реакціонное содержаніе, и начиналась величайшая путаница, которая иногда получала громкое имя *критики Маркса*, а иногда носила болѣе скромное названіе *соединенія марксизма* съ философскими взглядами того или другого идеолога буржуазіи (неокантіанцевъ, Маха, Авенаріуса и др.). Что *марксизмъ* можно соединить съ чѣмъ угодно, даже со *спиритизмомъ*, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: весь вопросъ въ томъ, *какъ* можно это сдѣлать. А на этотъ вопросъ всякій мало-мальски толковый человекъ не можетъ отвѣтить иначе, какъ указаніемъ на *эклетицизмъ*. Съ помощью эклектицизма можно „соединить“ все, что угодно, со всѣмъ, что въ голову взбредетъ. Но эклектицизмъ никогда не приводилъ ни къ чему хорошему ни въ теоріи, ни на практикѣ. Фихте говоритъ: „философствовать значитъ не дѣйствовать; дѣйствовать значитъ не философствовать“, и это совершенно спра-

ведливо. Однако не менѣе справедливо и то, что только послѣдовательно мыслящій человекъ способенъ быть послѣдовательнымъ въ своей дѣятельности. А для насъ, претендующихъ на честь быть представителями самаго революціоннаго класса, какой выступалъ когда-либо на историческую сцену, послѣдовательность обязательна подѣ страхомъ измѣны своему собственному дѣлу.

Чѣмъ обусловливается это стремленіе соединять Маркса то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ идеологовъ буржуазіи?

Во первыхъ,—*модой*.

Некрасовъ говоритъ объ одномъ изъ своихъ героев:

„Что ему книжка послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ“.

Такіе герои существуютъ всегда, пробираются во все лагери. Встрѣчаются они, къ сожалѣнію, и въ нашемъ.

У насъ на нихъ былъ урожай во второй половинѣ девяностыхъ годовъ, когда для многихъ нашихъ „интеллигентовъ“ самъ марксизмъ явился „послѣдней книжкой“, ложившейся „сверху на душу“. Такіе „интеллигенты“ были какъ бы нарочно изготовлены исторіей для того, чтобы взяться за „соединеніе“ марксизма съ другими „послѣдними книжками“. Ихъ не жалко: это пустой народъ.

Но досадно, что и болѣе серьезные товарищи нерѣдко чувствуютъ охоту къ „соединенію“. Тутъ дѣло объясняется уже не увлеченіемъ модой. И тутъ явленіе, очень вредное и печальное само по себѣ, обнаруживаетъ присутствіе похвальныхъ побужденій.

Вообразите, что у даннаго товарища есть потребность выработать себѣ стройное міросозерцаніе; этотъ товарищъ усвоилъ себѣ, болѣе или менѣе хорошо, — философско-историческую сторону ученія Маркса, но собственно философская сторона этого ученія осталась для него непонятной и недоступной. Поэтому онъ рѣшаетъ, что у Маркса эта сторона осталась „неработанной“, и принимается самъ „разрабатывать“ ее. А когда онъ принимается за это—очень не легкое—дѣло, ему подвергается какой-нибудь представитель буржуазнаго „критицизма“, вносящій хоть нѣкоторый, хоть кажущійся порядокъ туда, гдѣ до сихъ поръ существовало, повидимому, только царство хаоса, и очень легко

покоряетъ своему вліянію любознательнаго, но недостаточно подготовленнаго и недостаточно самостоятельнаго искателя философской истины. Вотъ вамъ и готовъ „соединитель“! Намѣренія у него были хорошия, а результатъ получился скверный.

Нѣтъ, что-бы тамъ ни говорили наши противники, а это неоспоримо: стремленіе къ „соединенію“ теоріи Маркса съ другими теоріями,—которыя, по нѣмецкому выраженію, бьютъ ее по лицу,—обнаруживаетъ стремленіе къ выработкѣ стройнаго созерцанія, но оно обнаруживаетъ также *слабость мысли, неспособность строго и послѣдовательно держаться одного основнаго принципа*. Иначе сказать,—тутъ обнаруживается неспособность понять Маркса.

Какъ помочь этому горю? Я не вижу другого средства, кромѣ распространенія правильнаго взгляда на философію Маркса-Энгельса. А въ этомъ смыслѣ предлагаемая брошюра можетъ, какъ я думаю, сдѣлать очень много.

Мнѣ самому не разъ приходилось слышать вопросъ: почему нельзя соединить историческій матеріализмъ съ трансцендентальнымъ идеализмомъ Канта, съ эмпирио-критицизмомъ Авенариуса, съ философіей Маха и проч.? Я всегда отвѣчалъ на это почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ которыхъ отвѣчаю теперь. Что касается Канта, то мое примѣчаніе (см. стр. 115—117) показываетъ полную невозможность „соединить“ философское ученіе Канта съ теоріей развитія. Такъ же мало соединимы съ ней и взгляды Маха и Авенариуса, представляющіе собою новѣйшую разновидность философіи Юма. Если послѣдовательно держаться этихъ взглядовъ, то придется къ *солипсизму*, т. е. къ отрицанію существованія всѣхъ людей, кромѣ самого себя. Не думайте, читатель, что это шутка. Хотя Махъ энергично протестуетъ противъ отождествленія его философіи съ субъективнымъ идеализмомъ Берклея*), но этимъ доказывается лишь его непослѣдовательность. Если тѣла или вещи представляютъ собою только мысленные символы нашихъ ощущеній (точнѣе, группъ, комплексовъ ощущеній), и если онѣ не существуютъ внѣ нашего сознанія,—а именно такова мысль Маха,—

*) Die Analyse der Empfindungen, vierte Auflage, S. S. 282—283.

то отъ субъективнаго идеализма и отъ солипсизма можно отдѣляться лишь посредствомъ вопіющей непослѣдовательности. И не даромъ одинъ изъ учениковъ Маха, Г. Корнелиусъ, въ своей книгѣ „*Einleitung in die Philosophie*“ (München, 1903) подошелъ вплотную къ солипсизму. Онъ (стр. 322) признаетъ, что наука не можетъ разрѣшить для человѣка въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ вопросъ о томъ, существуетъ-ли какая-нибудь психическая жизнь, кромѣ его собственной. Это неоспоримо съ точки зрѣнія махизма, но если существованіе чуждой мнѣ психической жизни остается для меня сомнительнымъ; если,—какъ мы видѣли,—тѣла вообще суть только символы ощущеній, то остается помириться съ солипсизмомъ, чего не рѣшается, однако, сдѣлать Корнелиусъ.

Надо замѣтить, что Махъ считаетъ Г. Корнелиуса не своимъ ученикомъ, а ученикомъ Авенариуса. Это не удивительно потому, что между взглядами Маха, съ одной стороны, и Авенариуса съ другой,—очень много общаго, какъ это признаетъ, впрочемъ, самъ Махъ *). Для философіи Авенариуса,—какъ и для философіи Маха,—вопросъ о томъ, что Фихте называетъ *множественностью индивидуумовъ*, есть главное затрудненіе, съ которымъ она не можетъ справиться иначе, какъ или признавъ истину материализма, или упершись въ тупой переулочекъ солипсизма. Это должно быть очевидно для всякаго мыслящаго человѣка, который дастъ себѣ трудъ прочитать, напримѣръ, вышедшее въ русскомъ переводѣ сочиненіе Авенариуса: „*Человѣческое понятіе о мірѣ*“ **).

Само собою понятно, что солипсизмъ можетъ быть „соединенъ“ съ какимъ-нибудь (не только съ материалистическимъ) взглядомъ на исторію развѣ только послѣдователемъ Попприцина.

*) Смори у него въ выше названной книгѣ главу: *Mein Verhältniss zu R. Avenarius und anderen Forschern*, S. 38.

**) Одинъ нѣмецкій писатель замѣчаетъ, что для эмпириокритицизма *опытъ* есть только предметъ изслѣдованія, а вовсе не средство познанія. Если это такъ, то противопоставленіе эмпириокритицизма материализму лишается смысла, и разсужденія на тему о томъ, что эмпириокритицизмъ призванъ смѣнить собою материализмъ, оказываются совершенно пустыми и праздными.

Современное ученіе о развитіи, — частью котораго является наше объясненіе исторіи, — находитъ себѣ прочное обоснованіе *только* въ материализмѣ, и не удивительно, поэтому, что основатели научнаго социализма, какъ выразился Энгельсъ (см. стр. 61 предлагаемой брошюры), *не шутили съ материализмомъ*, послѣдовательно прилагая его въ тѣхъ отрасляхъ знанія, которыя до нихъ были самой надежной твердыней идеализма.

И замѣтите, что съ материализмомъ тѣсно связанъ не только научный социализмъ. *Утопическій* социализмъ, любившій кокетничать съ идеализмомъ и даже съ религіей, тоже долженъ быть признанъ его законнымъ сыномъ, какъ это очень хорошо видно изъ перваго приложенія къ этой брошюрѣ („Карлъ Маркъ о французскомъ материализмѣ XVIII столѣтія“).

„Картезианскій материализмъ“,—говоритъ въ немъ Маркъ, — „превратился въ *естествознаніе*, собственно такъ называемое. Другое направленіе французскаго материализма впадаетъ прямо въ *социализмъ* и *коммунизмъ*. Не надо большаго ума, чтобы понять необходимую связь, существующую между ученіями французскаго материализма о природной склонности къ добру и о равенствѣ умственныхъ способностей всѣхъ людей, о всемогуществѣ опыта, привычки, воспитанія, о вліяніи на человѣка внѣшнихъ обстоятельствъ, о высокомъ значеніи промышленности, о нравственной правомѣрности наслажденія и т. д. — съ коммунизмомъ и социализмомъ. Если человѣкъ черпаетъ всѣ свои ощущенія, знанія и т. д. изъ внѣшняго міра, то надо, стало быть, такъ устроить окружающій его міръ, чтобы человѣкъ получалъ изъ этого міра достойныя его впечатлѣнія, чтобы онъ привыкалъ къ истинно человѣческимъ отношеніямъ, чтобы онъ чувствовалъ себя человѣкомъ. Если правильно понятый личный интересъ есть основа всякой нравственности, то надо, стало быть, позаботиться о томъ, чтобы интересы отдѣльнаго человѣка совпадали съ интересами человѣчества. Если человѣкъ несвободенъ въ материалистическомъ смыслѣ этого слова, т. е. если его свобода заключается не въ отрицательной способности избѣгать тѣхъ или другихъ поступковъ, а въ положительной возможности проявленія своихъ личныхъ свойствъ, то надо, стало быть, не карать отдѣльныхъ лицъ за ихъ преступленія, а

уничтожить противообщественные источники преступлений и дать въ обществѣ свободное мѣсто для дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка. Если человѣческой характеръ создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сдѣлать эти обстоятельства достойными человѣка. Если природа предназначила человѣка къ общественной жизни, то, стало быть, только въ обществѣ обнаруживаетъ онъ свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдѣльных личностяхъ, а на цѣломъ обществѣ. Эти и подобныя этимъ положенія почти дословно встрѣчаются даже у самыхъ старыхъ французскихъ матеріалистовъ“.

Далѣе Марксъ очень ясно обнаруживаетъ кровное родство съ матеріализмомъ различныхъ утопическихъ школъ Франціи и Англии.

На все это не обращаютъ никакого вниманія люди, стремящіеся „соединить“ марксизмъ съ тѣми или другими разновидностями болѣе или менѣе послѣдовательнаго идеализма. И это жаль, тѣмъ болѣе жаль, что въ самомъ же дѣлѣ „не надо большого ума“, чтобы понять всестороннѣйшую несостоятельность всѣхъ этихъ соединительныхъ попытокъ.

Но какъ надо понимать *материализмъ*? Объ этомъ очень много спорятъ до настоящаго времени. Энгельсъ говоритъ на стр. 41—42 предлагаемой брошюры: „Возвышеннѣйшій вопросъ всей философіи, вопросъ объ отношеніи мышленія къ бытію, коренится, стало быть, совершенно такъ же, какъ и всѣ религіи, въ ограниченныхъ и невѣжественныхъ представленіяхъ дикаря. Но онъ могъ быть рѣзко поставленъ и приобрѣсти все свое значеніе лишь послѣ того, какъ европейское человѣчество пробудилось отъ долгой зимней спячки христіанскихъ среднихъ вѣковъ. Уже въ средневѣковой схоластикѣ игравшій большую роль вопросъ о томъ, какъ относится мышленіе къ бытію, что чему предшествуетъ: духъ природѣ или природа духу, этотъ вопросъ, на зло церкви, принявъ болѣе рѣзкій видъ вопроса о томъ, созданъ-ли міръ богомъ, или онъ существуетъ отъ вѣка?

„Философы раздѣлились на два большихъ лагеря сообразно тому, какъ отвѣчали они на этотъ вопросъ. Тѣ, которые утверждали, что духъ существовалъ прежде природы, и которые, слѣдовательно, такъ или иначе признавали сотвореніе міра,—а у фило-

софовъ, напримѣръ, у Гегеля, сотвореніе міра принимаетъ еще болѣе нелѣпый и запутанный видъ, чѣмъ у правовѣрныхъ христіанъ,—составили идеалистической лагерь. Тѣ же, которые основнымъ началомъ считали природу, примкнули къ различнымъ школамъ матеріализма.

„Ничего другого и не заключаютъ въ себѣ выраженія: идеализмъ и матеріализмъ, взятые въ ихъ первоначальномъ смыслѣ. И только въ этомъ смыслѣ они здѣсь и употребляются. Ниже мы увидимъ, какая путаница выходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приписывается какое-либо другое значеніе“.

Итакъ, важнѣйшая отличительная черта матеріализма состоитъ въ томъ, что онъ устраиваетъ *дуализмъ духа и матеріи, бога и природы* и считаетъ природу основой тѣхъ явленій, для объясненія которыхъ еще первобытныя охотничьи племена апеллировали къ дѣятельности предметныхъ *душъ, духовъ*. Противникамъ матеріализма, имѣющимъ о немъ по большей части самое нелѣпое представленіе, кажется, что Энгельсъ неправильно опредѣлилъ сущность матеріализма, что на самомъ дѣлѣ матеріализмъ сводитъ *психическія явленія къ матеріальнымъ*. Вотъ почему они были крайне удивлены, когда я въ спорѣ съ г. Бернштейномъ отнесъ Спинозу къ числу матеріалистовъ. Но для доказательства правильности даннаго Энгельсомъ опредѣленія матеріализма достаточно привести нѣсколько выписокъ изъ сочиненій матеріалистовъ XVIII вѣка.

„Не будемъ выходить за предѣлы природы (*demeurons dans la nature*), когда мы захотимъ дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ природы“,—говоритъ авторъ извѣстнаго сочиненія: „*Le bon sens puisé dans la nature*“ (Гольбахъ),—„откажемся отъ исканія такихъ причинъ, которыя слишкомъ тонки для того, чтобы дѣйствовать на наши внѣшнія чувства *), и будемъ держаться того убѣжденія, что, выходя за предѣлы природы, мы никогда не рѣшимъ задачъ, которыя ставятся передъ нами природой“ **).

*) Надо замѣтить, что Гольбахъ называетъ матеріей все то, что дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства.

**) Я цитирую по парижскому изданію „перваго года республики“.

Совершенно въ томъ же смыслѣ высказывается Гольбахъ въ другомъ, болѣе извѣстномъ своемъ сочиненіи: „Système de la nature“, котораго я не цитирую именно потому, что оно болѣе извѣстно. Ограничусь простымъ указаніемъ того, что мѣсто, относящееся къ интересующему насъ вопросу, находится въ шестой главѣ второго тома этого сочиненія (стр. 146 лондонскаго изданія 1781 г.).

Гельвецій стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. „Человѣкъ“,—говоритъ онъ,—„есть созданіе природы; онъ находится въ природѣ; онъ подчиненъ ея законамъ; онъ не можетъ отъ нея освободиться; онъ не можетъ, хотя бы въ мысляхъ своихъ, выйти за ея предѣлы... Для существа, созданнаго природой, не существуетъ ничего по ту сторону великаго цѣлаго, часть котораго онъ собою представляетъ... Существа, стоящія будто бы выше природы и отличныя отъ нея, являются простыми химерами“ и т. д. *).

Были, правда, матеріалисты, признававшіе существованіе бога и смотрѣвшіе на природу, какъ на его твореніе. Такимъ былъ на примѣръ, Джозефъ Пристлей **). Но это вѣрованіе было у знаменитаго естествоиспытателя простымъ теологическимъ привѣскомъ къ его матеріалистическому ученію, основнымъ положеніемъ котораго служить та мысль, что человѣкъ есть созданіе природы, и что „тѣлесныя и духовныя свойства человѣка коренятся въ одной и той же субстанціи, растутъ, зрѣютъ и убываютъ вмѣстѣ съ ней“ ***). Этой субстанціей является *матерія*, какъ Пристлей повторяетъ не разъ въ этомъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ ****).

Фейербахъ справедливо говоритъ, что та субстанція, которую Спиноза теологически называетъ богомъ, при ближайшемъ разсмотрѣ-

) Le vrai sens du système de la Nature. Chap. I, De la nature.

***) См. его „Disquisitions relating Matter and Spirit“ въ первомъ томѣ бирмингавскаго изданія его сочиненій (1782 года). Тамъ богъ оъ-я ляется нашимъ творцомъ (our Maker, p. 139), всѣмъ во всемъ . 143) и т. д.

****) Ibid., p. 69.

*****) „Matter being capable, of the property of sensation or thought (The History of the philosophical doctrine concerning the origine of the soul“, въ первомъ томѣ того же изданія его сочиненій, p. 400).

рѣнни (bei Lichte besehen) оказывается природой *). Это такъ же вѣрно, какъ и другое замѣчаніе Фейербаха: „тайна, истинный смыслъ философіи Спинозы есть природа“ **). И именно потому Спиноза, несмотря на теологическую оболочку его основной философской идеи, долженъ быть отнесенъ къ матеріалистамъ. Это прекрасно понялъ еще *Дидро*, который,—какъ это видно изъ его статьи: „Spinosiste“ въ XV томѣ Энциклопедіи,—считалъ себя и своихъ единомышленниковъ повѣйшими спинозистами (spinosistes modernes). Если „критики Маркса“ испустили единодушный крикъ удивленія, когда я въ спорѣ съ Бернштейномъ выразилъ ту мысль, что матеріализмъ Маркса и Энгельса былъ родомъ спинозизма (eine Art Spinozismus), то это объясняется единственно ихъ изумительнымъ невѣжествомъ ***). Чтобы сдѣлать себѣ эту мысль болѣе доступною, надо вспомнить, во первыхъ, что Марксъ и Энгельсъ прошли черезъ философію Фейербаха, и во вторыхъ, постараться выяснитъ себѣ, чѣмъ же собственно отличается философія этого послѣдняго отъ философіи Спинозы. Кто умѣетъ понимать прочитанное, тотъ скоро увидитъ, что по своему основному взгляду на отношеніе бытія къ мышленію Фейербахъ есть Спиноза, переставшій величать природу богомъ и прошедшій школу Гегеля.

Пойдемъ дальше. Если, какъ мы видѣли выше, Пристлей училъ что матерія имѣетъ свойство *ощущать* и *думать*, то уже изъ этого видно, что *матеріализмъ вовсе не пытается свести всѣ психическія явленія къ движенію матеріи*, какъ это говорятъ за него его противники ****). Для матеріалиста ощущеніе и мысль, сознание, есть внутреннее состояніе движущейся матеріи. Но никто изъ матеріалистовъ, оставившихъ замѣтный слѣдъ въ исторіи философской мысли, не „сводилъ“ сознания къ *движенію*

*) Werke, IV Band, S. 380.

***) Тамъ же 391.

*****) Меня спрашивали, возражая мнѣ, что значитъ: „родъ спинозизма“. На это легко отвѣтить: у Маркса и Энгельса,—какъ уже и у Дидро,—спинозизмъ былъ освобожденъ отъ его теологической внѣшности. Только и всего.

*****) См., на примѣръ, Лассвица: Die Lehre Kant's von der Idealität des Raumes und der Zeit, Berlin, 1883, S. 9.

и не *объяснялъ* одного другимъ. Если материалисты утверждали, что для объясненія психическихъ явленій нѣтъ надобности придумывать особую субстанцію,—душу; если они утверждали, что матерія способна „ощущать и мыслить“, то эта способность матеріи казалась имъ такимъ же основнымъ, а потому и необъяснимымъ ея свойствомъ, какъ и движеніе. Такъ, напимѣрь, Ламеттри, ученіе котораго изображается обыкновенно, какъ самая грубая разновидность материализма, категорически говорилъ, что считаетъ движеніе такимъ же „чудомъ природы“, какъ и сознание *) При этомъ различные материалисты различно смотрѣли на эту способность матеріи обладать сознаниемъ. Одни,—напимѣрь, Пристлей и, повидимому, Гольбахъ, не высказывавшійся, однако, вполне рѣшительно,—полагали, что сознание возникаетъ въ движущейся матеріи лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она организована извѣстнымъ образомъ. Другіе—Спиноза, Ламеттри, Дидро—думали, что матерія всегда обладаетъ сознаниемъ, хотя только при извѣстной ея организаціи сознание достигаетъ сколько-нибудь значительной степени интенсивности. Теперь этого послѣдняго взгляда держится какъ извѣстно, знаменитый Геккель. Что касается общаго вопроса о томъ, способна-ли матерія „мыслить“, то едва-ли хоть одинъ добросовѣстный естествоиспытатель затруднится отвѣтить на него отрицательно. „Конечно, въ наше время“,—говоритъ агностикъ Гекслей въ своей книгѣ объ Юмѣ,—„всѣ тѣ, которые находятся на высотѣ этого вопроса, не усумнятся въ томъ, что основы психологіи заключаются въ физиологіи нервной системы“ **). Это именно то, что говорятъ материалисты, и Энгельсъ совершенно правъ, говоря въ предлагаемой брошюрѣ, что агностицизмъ есть лишь застѣнчивый материализмъ. Современная психо-физиологія насквозь пропитана духомъ материализма. Правда, нѣкоторые психо-физиологи отговариваются отъ материалистическихъ выводовъ посредствомъ ученія о *параллелизмѣ* психическихъ и физическихъ явленій. Но въ данномъ случаѣ констатированіе параллелизма

*) Oeuvres philosophiques de Monsieur de la Mettrie, Amsterdam MDCCLXIV, tome premier, p. 67 и 73.

***) См. стр. 181 французскаго перевода этой книги.

несомнѣнно, является лишь средствомъ открытія причинной связи между явленіями, какъ это разъяснилъ еще Александръ Бэнъ *).

Теперь обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла. Философія Маркса и Энгельса—не только *материалистическая* философія. Она есть *діалектическая* материализмъ. А противъ этого ученія возражаютъ, говоря, во первыхъ, что діалектика сама по себѣ не выдерживаетъ критики, и во вторыхъ, что именно материализмъ-то несомнѣннѣе съ діалектикой. Остановимся на этихъ возраженіяхъ.

Читатель помнитъ, вѣроятно, какъ г. Бернштейнъ объяснялъ вреднымъ влияніемъ діалектики то, что онъ называлъ ошибками Маркса и Энгельса. Обычная логика держится формулы: „да—да и нѣтъ—нѣтъ“, а діалектика превращаетъ эту формулу въ ея прямую противоположность: „да—нѣтъ и нѣтъ—да“. Не долюбивая этой послѣдней „формулы“, г. Бернштейнъ утверждалъ, что она способна ввести чловѣка въ самыя опасныя логическія искушенія и заблужденія. И съ нимъ, вѣроятно, соглашалось огромное большинство такъ называемыхъ образованныхъ читателей, потому что формула: „да—нѣтъ и нѣтъ—да“, повидимому, рѣзко противорѣчитъ основнымъ и неизблемымъ законамъ мышленія. Вотъ эту-то сторону дѣла намъ и надо рассмотреть здѣсь.

„Основныхъ законовъ мышленія“ считается три: 1, законъ тождества; 2, законъ противорѣчія; 3, законъ исключеннаго третьяго.

Законъ тождества (principium indetitatis) гласитъ: А есть А (omne subjectum est predicatum sui) или, иначе, $A = A$.

Законъ противорѣчія,—А не есть non-А,—представляетъ собою лишь отрицательную форму перваго закона.

По закону исключеннаго третьяго (principium exclusi tertii), два противоположныя сужденія, исключаяція одно другое, не могутъ быть оба ошибочны. Въ самомъ дѣлѣ, А есть или В, или non-В; вѣрность одного изъ этихъ сужденій непременно означаетъ ошибочность другого и наоборотъ. Середины тутъ нѣтъ и быть не можетъ.

*) Душа и тѣло, переводъ съ 6-го англійскаго изданія, Кіевъ, 1884 года, стр. 24—25.

Ибервегъ замѣчаетъ, что законъ противорѣчія и законъ исключеннаго третьяго могутъ быть объединены въ слѣдующемъ логическомъ правилѣ: *на каждый вполне определенный—и понимаемый именно въ этомъ определенномъ смыслѣ—вопросъ о принадлежности данному предмету данного свойства надо отвечать или—да, или—нѣтъ и нельзя отвѣтить: и да, и нѣтъ **).

Трудно возразить что-нибудь противъ вѣрности этого правила. А если оно вѣрно, то формула „да—нѣтъ и нѣтъ—да“ кажется совершенно несостоятельной, и намъ остается лишь смѣяться надъ нею, по примѣру г-на Бернштейна, да разводитъ руками по поводу вопроса о томъ, какимъ образомъ такіе несомнѣнно глубокіе мыслители, какъ Гераклитъ, Гегель и Марксъ, могли находить ее болѣе удовлетворительной, чѣмъ формула: „да—да и нѣтъ—нѣтъ“, прочно основывающаяся на вышеуказанныхъ основныхъ законахъ мышленія.

Этотъ роковой для діалектики выводъ кажется неотразимымъ. Но прежде, чѣмъ принять его, взглянемъ на дѣло съ другой стороны!

Основу всѣхъ явленій природы составляетъ движеніе матеріи **). Но что такое движеніе? Это есть очевидное противорѣчіе. Если васъ спросятъ: находится ли движущееся тѣло въ данное время въ данномъ мѣстѣ, то вы при самомъ искреннемъ желаніи не въ состояніи будете отвѣтить согласно правилу Ибервега, т. е. по формулѣ: „да—да и нѣтъ—нѣтъ“. Движущееся тѣло находится въ данномъ мѣстѣ и въ то же время не находится въ немъ ***). О немъ нельзя судить иначе, какъ по формулѣ:

*) System der Logik, Bonn, S. 219.

**) Я говорю объ объективной сторонѣ явленій. „Une volition est, pour le cerveau, un mouvement d'un certain système de fibres. Dans l'âme c'est ce qu'elle éprouve en consequence du mouvement des fibres...“ (Robinet, De la Nature, t. I, Ch. XXII, partie IV). Ср. Фейербаха: „Was für mich oder subjectiv ein rein geistiger Act., ist an sichts oder objectiv ein materieller, sinnlicher“. Werke, II, 350.

***) Это вынуждены признать даже самые рѣшительные противники діалектическаго метода. „Die Bewegung,—говоритъ А. Тренделенбургъ,—die vermöge ihres Begriffs an demselben Punkte zugleich ist

„да—нѣтъ, нѣтъ—да“. Оно является, стало быть, непререкаемымъ свидѣтельствомъ въ пользу „логики противорѣчія“, и кто не хочетъ помириться съ этой логикой, тотъ долженъ объявить, вмѣстѣ со старымъ Зенономъ, что движеніе есть не болѣе, какъ обманъ чувствъ. Этому, повидимому, не понимаетъ нашъ соотечественникъ г. Н. Г., тоже весьма рѣшительный, но, къ сожалѣнію, не весьма серьезный врагъ діалектики. Онъ говоритъ: если движущееся тѣло *всѣми* своими частями „находится въ одномъ мѣстѣ, то его одновременное пребываніе въ другомъ мѣстѣ представляетъ собою несомнѣнное возникновеніе изъ ничего, ибо откуда же ему попасть въ другое мѣсто? Изъ перваго? Но вѣдь тѣло еще не оставило своего прежняго мѣста“. А если, продолжаетъ онъ, допустить, что тѣло *не всѣми* своими частями находится въ данный моментъ въ данномъ мѣстѣ, то вѣдь и въ покоѣ различныя части тѣла занимаютъ различныя мѣста въ пространствѣ *). Очень хорошо, хотя и очень старо. Однако, что же доказываютъ доводы г. Н. Г.? Они доказываютъ, что движеніе невозможно. Прекрасно, мы и тутъ спорить не станемъ, но мы попросимъ г. Н. Г. вспомнить то замѣчаніе Аристотеля,—каждый день неизмѣнно оправдываемое естествознаніемъ,— что, отрицая движеніе, мы сразу дѣлаемъ невозможнымъ всякое изученіе природы **). Этого-ли хотѣлъ г. Н. Г.? Этого-ли хотѣла редакция „толстаго журнала“, напечатавшая его глубокомысленное произведеніе? А если ни онъ, ни она не рѣшались отрицать движеніе, то имъ надо же было понять, „что разогрѣтая „апорія“ Зенона не оставляла имъ другого выхода, кромѣ какъ признать движеніе противорѣчиемъ въ дѣйстви, т. е. кромѣ признанія именно того, что хотѣлъ опровергнуть г. Н. Г. Ну, „критики!“

Всѣхъ же тѣхъ, кто не отрицаетъ движенія, мы спро-

und nicht ist“ etc. (Logische Untersuchungen. Leipzig, 1870, I, 189). Почти излишне дѣлать здѣсь уже сдѣланное Ибервегомъ замѣчаніе о томъ, что Тренделенбургъ слѣдовало сказать „движущееся тѣло, а не „движеніе“.

*) „Матеріализмъ и діалектическая логика“, „Русское Богатство“, июль 1898 года, стр. 94 и 96.

**) „Метафизика“, I, VII, 59.

симъ: что думать намъ о томъ „*основномъ законѣ*“ *мышленія*, который противорѣчитъ основному факту бытія? Не слѣдуетъ ли намъ относиться къ нему... съ нѣкоторой осмотрительностью?

Выходитъ какъ будто, что мы неожиданно очутились передъ альтернативой: *или* признавать „основные законы“ формальной логики и отрицать движеніе, *или*, наоборотъ, признавать движеніе и отрицать эти законы. Такая альтернатива, по меньшей мѣрѣ, непріятна. Посмотримъ же, нельзя-ли какъ-нибудь обойти ее.

Движеніе матеріи лежитъ въ основѣ всѣхъ явленій природы. Движеніе есть противорѣчіе. О немъ необходимо судить діалектически, т. е., какъ сказалъ бы г. Бернштейнъ, по формулѣ: „да—нѣтъ и нѣтъ—да“. Поэтому мы должны признать, что, пока рѣчь идетъ у насъ объ этой основѣ всѣхъ явленій, мы находимся въ области „*логики противорѣчія*“. Но молекулы движущейся матеріи, соединяясь однѣ съ другими, образуютъ извѣстные *сочетанія*,—вещи, предметы. Такія сочетанія отличаются большею или меньшею прочностью, существуютъ болѣе или менѣе продолжительное время, а затѣмъ исчезаютъ, замѣняясь другими: вѣчно одно движеніе матеріи, да сама она, неразрушимая субстанція. Но разъ возникло, въ результатъ вѣчнаго движенія, извѣстное временное сочетаніе матеріи и пока не исчезло оно въ результатъ того же движенія,—вопросъ объ его существованіи необходимо рѣшается въ положительномъ смыслѣ. Поэтому, если намъ укажутъ на планету Венеру и спросятъ, существуетъ-ли эта планета, то мы, не колеблясь, отвѣтимъ: *да*. А если насъ спросятъ, существуютъ-ли вѣдьмы, то мы столь же рѣшительно отвѣтимъ: *нѣтъ*. Что же это значить? Это значить, что когда рѣчь идетъ объ отдѣльных предметахъ, то въ сужденіяхъ о нихъ мы обязаны слѣдовать вышеприведенному правилу Ибервега и вообще руководствоваться „основными законами“ мышленія. Въ *этой* области царствуетъ любезная г. Бернштейну „формула“: *да—да и нѣтъ—нѣтъ* *).

*) Той же формулѣ должны подчиняться и указываемая Ибервегомъ (Logik, 196) *историческія сужденія* въ родѣ того, родился ли Платонъ въ 428, или 429, или 427 и т. д. году до Р. Х. Тутъ мнѣ вспоминается забавный отвѣтъ одного молодого русскаго ре-

Впрочемъ, и здѣсь власть этой почтенной формулы не безгранична. На вопросъ о существованіи *уже возникшаго* предмета надо отвѣчать опредѣлительно. Но если предметъ *только еще возникаетъ*, то иногда съ полнымъ основаніемъ можно колебаться въ отвѣтъ. Когда у человѣка половина головы обнажена отъ волосъ, то мы говоримъ: у него большая лысина. Но подите, опредѣлите, когда собственно выпаденіе волосъ приводитъ къ образованію лысины.

На каждый опредѣленный вопросъ о принадлежности данному предмету данного свойства надо отвѣчать *или да, или нѣтъ*. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ прикажете отвѣчать въ томъ случаѣ, когда предметъ *измѣняется*, когда онъ *уже утрачиваетъ* данное свойство или *пока еще только пріобрѣтаетъ* его? Само собою разумѣется, что опредѣленный отвѣтъ обязателенъ и въ этомъ случаѣ; но въ томъ то и дѣло, что опредѣленнымъ будетъ здѣсь только отвѣтъ, построенный по формулѣ: *да—нѣтъ, нѣтъ—да*, а по рекомендуемой Ибервегомъ формулѣ: *или да, или нѣтъ* на него отвѣчать невозможно.

Конечно, можно возразить, что *утрачиваемое* свойство *еще* не перестало существовать, а *пріобрѣтаемое*—уже существуетъ, и что, поэтому, опредѣленный отвѣтъ по формулѣ: *или да, или нѣтъ* возможенъ и обязателенъ даже и тогда, когда предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, находится *въ состояніи измѣненія*. Однако это не вѣрно. Юноша, на подбородкѣ котораго начинаетъ пробиваться „пушокъ“, несомнѣнно уже пріобрѣтаетъ бороду, но это *еще* не даетъ намъ права называть его бородатымъ. Пушокъ на подбородкѣ—не борода, хотя онъ и *превращается въ бороду*. Чтобы стать *качественнымъ*, измѣненіе должно достигнуть извѣстнаго *количественнаго предѣла*. Кто забываетъ объ этомъ, волюціонера, пріѣхавшаго въ Женеву, если не ошибаюсь, въ 1882 г. и вынужденнаго дать полиціи нѣкоторыя свѣдѣнія о своей личности.—„Гдѣ вы родились?“—„Въ разныхъ губерніяхъ“, уклончиво отвѣтилъ черезъ-чуръ осторожный „конспираторъ“. Устраивавшій это дѣло, теперь уже покойный, Н. И. Жуковскій вспылывалъ, восклицая: „Этому, батюшка, никто не повѣритъ!“ И, конечно, въ этомъ случаѣ съ нимъ согласился бы самый рьяный сторонникъ діалекческаго метода.

тотъ именно лишается возможности высказывать *опредѣленные* сужденія о свойствахъ предметовъ.

„Все течетъ, все измѣняется“, говоритъ древній эфесскій мыслитель. Сочетанія, называемыя нами предметами, находятся въ состояніи постояннаго — болѣе или менѣе быстро — *измѣненія*. Поскольку данныя сочетанія остаются *данными сочетаніями*, мы обязаны судить о нихъ по формулѣ: да — да и нѣтъ — нѣтъ. А поскольку они *измѣняются и перестаютъ существовать*, какъ таковыя, мы обязаны апеллировать къ *логикѣ противорѣчія*; мы должны говорить, — рискуя навлечь неудовольствіе г. г. Бернштейновъ, Н. Г. и прочей метафизической братіи: — „и да, и нѣтъ; и существуютъ, и не существуютъ“.

Какъ покой есть частный случай движенія, такъ и мышленіе по правиламъ формальной логики (согласно „основнымъ законамъ“ мысли) есть частный случай диалектическаго мышленія.

О Кратилѣ, одномъ изъ учениковъ Платона, рассказывали, что онъ не соглашался даже съ Гераклитомъ, говоравшимъ: „мы не можемъ спуститься два раза по одной и той же рѣкѣ“. Кратилъ утверждалъ, что мы не можемъ сдѣлать это даже и одинъ разъ: пока мы спускаемся, рѣка измѣняется, становится *другой*. Въ такихъ сужденіяхъ элементъ *наличнаго бытія* какъ бы отмѣняется элементомъ *становленія* *). Это злоупотребленіе диалектикой, а не правильное примѣненіе диалектическаго метода. Гегель замѣчаетъ: „Das Etwas ist die erste Negation der Negation“ (нѣчто есть первое отрицаніе отрицанія **).

Тѣ изъ нашихъ критиковъ, которые не окончательно лишены знакомства съ философскою литературой, любятъ ссылаться на *Тренделенбурга*, который будто-бы на голову разбилъ всѣ доводы въ пользу диалектики. Но эти господа, какъ видно, плохо читали — если читали — Тренделенбурга. Они позабыли — если она была известна имъ, въ чемъ я отнюдь не увѣренъ, — слѣдующую бездѣ-

*) Я держусь здѣсь терминологіи, принятой г. Н. Лосскимъ въ него переводъ книги Куно Фишера о Гегель: *Dasein — наличное бытіе; Werden — становленіе.*

**) Werke, III, S. 114.

лицу. Тренделенбургъ признаетъ, что *principium contradictionis приложимъ не къ движенію, а только къ тѣмъ предметамъ, которые имъ создаются* *). И это вѣрно. Но движеніе не только *создаетъ* предметы. Оно, какъ мы сказали, *постоянно измѣняетъ ихъ*. И именно поэтому *логика движенія* („логика противорѣчія“) никогда не утрачиваетъ своихъ правъ надъ созданными движеніемъ предметами. И именно потому мы, отдавая должную дань „основнымъ законамъ“ формальной логики, должны помнить, что они имѣютъ значеніе лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, лишь въ той мѣрѣ, въ какой они не мѣшаютъ намъ отдавать должное также и диалектикѣ. Вотъ, какъ оно выходитъ на самомъ дѣлѣ по Тренделенбургу, хотя самъ онъ и не сдѣлалъ надлежащихъ логическихъ выводовъ изъ высказаннаго имъ — *чрезвычайно важнаго для научной теоріи познанія* — принципа.

Прибавимъ здѣсь мимоходомъ, что въ „Logischen Untersuchungen“ Тренделенбурга разсыпано много очень дѣльныхъ замѣчаній, говорящихъ не противъ насъ, а въ нашу пользу. Это можетъ показаться страннымъ; но это весьма просто объясняется тѣмъ весьма простымъ обстоятельствомъ, что Тренделенбургъ воевалъ собственно съ *идеалистическою* диалектикой. Вотъ, напримѣръ, онъ видитъ недостатокъ диалектики въ томъ, что она утверждаетъ самопроизвольное движеніе чистой мысли, являющееся въ то же время самозарожденіемъ бытія (*behauptet eine Selbstbewegung des reinen Gedankens, die zugleich die Selbsterzeugung des Seins ist* **). Это, въ самомъ дѣлѣ, очень большая ошибка. Но кто же не понимаетъ, что этотъ недостатокъ свойствененъ именно только идеалистической диалектикѣ? Кто не знаетъ, что когда Марксъ захотѣлъ поставить диалектику „на ноги“, онъ началъ съ исправленія этой ея коренной ошибки, вызванной ея старой идеалистической основой? Другой примѣръ. Тренделенбургъ говоритъ, что на самомъ дѣлѣ у Гегеля движеніе есть фундаментъ той логики, которая для своего обоснованія не нуждается будто-бы ни въ какихъ предположеніяхъ ***). Это опять совершенно вѣрно; но вѣдъ

*) Logische Untersuchungen, dritte Auflage, Leipzig, 1870, B. II, S. 175

**) Ibid., I, 36.

***) Ibid., I, 42.

это опять доводъ въ пользу *материалистической* діалектики. Третій и самый интересный примѣръ. По словамъ Тренделенбурга, напрасно думаютъ, будто у Гегеля природа есть только прикладная логика. Какъ разъ наоборотъ. Гегелева логика вовсе не есть порожденіе чистой мысли; она создана предварительнымъ абстрагированіемъ отъ природы (*eine anticipirte Abstraction der Natur*). Въ діалектикѣ Гегеля почти все взято изъ опыта, и если бы опытъ отнялъ у нея то, что она у него заимствовала, то ей пришлось бы надѣть нищенскую сумму *). Это такъ, именно такъ! Но въдь это то самое, что говорили ученики Гегеля, возставшіе противъ идеализма своего учителя и перешедшіе въ *материалистическій* лагерь.

Можно было-бы привести еще много подобныхъ примѣровъ, но это отвлекло-бы меня отъ моего предмета. Я хотѣлъ только показать нашимъ критикамъ, что на Тренделенбурга имъ въ борьбѣ съ нами, пожалуй, лучше было-бы совсѣмъ не ссылаться.

Пойдемъ дальше. Я сказалъ, что движеніе есть противорѣчіе въ дѣйствіи, и что, поэтому, къ нему непримѣнны „основные законы“ формальной логики. Чтобы это положеніе не подало повода къ недоразумѣніямъ, необходимо оговориться. Когда мы стоимъ передъ вопросомъ о переходѣ одного вида движенія въ другой, — скажемъ, механическаго движенія въ теплоту, — намъ тоже приходится разсуждать согласно основному правилу Ибервега. Этотъ видъ движенія есть *или* теплота, *или* механическое движеніе, *или* и т. д. Это ясно. Но если это такъ, то основные законы формальной логики въ извѣстныхъ предѣлахъ *примѣнны также и къ движенію*. А отсюда еще разъ слѣдуетъ, что діалектика не отрицаетъ формальной логики, а только лишаетъ ея законы приписываемаго имъ метафизиками *абсолютнаго значенія*.

Если читатель внимательно отнесся къ тому, что сказано выше, то онъ безъ труда пойметъ, какъ мало „цѣнности“ имѣетъ та часто повторяемая теперь мысль, что діалектика несогласима съ материализмомъ **). Напротивъ. *Въ основѣ нашей діалектики ле-*

*) Ibid., I, 78 и 79.

**) „Намъ кажется, что материализмъ и діалектическая логика, — говоритъ глубокомысленный г. Н. Г., — суть элементы, которые въ

житъ материалистическое пониманіе природы. Она на немъ держится; она пала-бы, если бы суждено было пасть материализму. И наоборотъ. Безъ діалектики неполна, односторонняя, — скажемъ больше: *невозможна материалистическая теорія познанія*.

У Гегеля *діалектика* совпадаетъ съ *метафизикой*. У насъ *діалектика* опирается на *ученіе о природѣ*.

У Гегеля деміургомъ дѣйствительности, — чтобы употребить здѣсь это выраженіе Маркса, — была *абсолютная идея*. Для насъ абсолютная идея есть лишь *абстракція движенія*, которымъ вызываются всѣ *сочетанія и состоянія матеріи*.

У Гегеля мышленіе движется впередъ вслѣдствіе обнаруженія и разрѣшенія *противорѣчій*, заключающихся въ *понятіяхъ*. Согласно нашему — *материалистическому* — ученію, противорѣчія, заключающіяся въ понятіяхъ, представляютъ собою лишь отраженія, *переводъ на языкъ мысли*, тѣхъ противорѣчій, которыя заключаются въ *явленіяхъ*, благодаря противорѣчивой природѣ ихъ общей основы, т. е. *движенія*.

У Гегеля ходъ вещей опредѣляется ходомъ идей. У насъ ходъ *идей* опредѣляется ходомъ *вещей*, ходъ *мысли* — *ходомъ жизни*.

Материализмъ ставитъ діалектику „на ноги“ и тѣмъ самымъ снимаетъ съ нея то мистическое покрывало, которымъ она была окутана у Гегеля. Но тѣмъ же самымъ онъ обнаруживаетъ *революціонный характеръ* діалектики.

„Въ своей мистифицированной формѣ, — говоритъ Марксъ, — діалектика сдѣлалась нѣмецкой модой, потому что она, казалось, оправдывала существующій порядокъ вещей. Въ ея раціональномъ видѣ она ненавистна буржуазіи и ея теоретическимъ вожакамъ, потому что въ положительное пониманіе существующаго она включаетъ также пониманіе его отрицанія и его неизбѣжнаго паденія; потому что она разсматриваетъ всякую сложившуюся (точнѣе, — ставшую: *gewordene*. Г. П.) форму въ процессѣ движенія, т. е., стало быть, также и съ ея преходящей стороны; потому что она ни не-

редь чѣмъ не склоняется, будучи критической и революціонной по своему существу“ *).

Что матеріалистическая діалектика ненавистна буржуазіи, пропитанной духомъ реакціи, это въ порядкѣ вещей; но что отъ нея отворачиваются иногда даже люди, искренно сочувствующіе революціонному социализму, это очень смѣшно и крайне грустно: это—Геркулесовы столбы нелѣпности.

Послѣ всего сказаннаго мною я, кажется, могу ограничиться презрительнымъ пожатіемъ плечами по поводу изумительной вымудки г-на Н. Г., приписавшаго намъ принципъ „двойственной организациіи ума“ принципъ, составляющій будто-бы „предпосылку, которая одна только и можетъ сдѣлать нашу „діалектическую логику хоть нѣсколько правдоподобной“ **). Нечего сказать попали пальцемъ въ небо, нашъ неправоподобный критикъ!

Теперь надо обратить вниманіе еще вотъ на что. Мы уже знаемъ, что правъ былъ—и въ какой мѣрѣ былъ правъ—Ибервегъ, требовавшій отъ логически мыслящихъ людей опредѣленныхъ отвѣтовъ на опредѣленные вопросы о принадлежности данному предмету даннаго свойства. Но вообразите, что мы имѣемъ дѣло не съ простымъ, а со сложнымъ предметомъ, объединяющимъ въ себѣ прямо-противоположныя свойства. Приложимо-ли требованіе Ибервега къ сужденіямъ о такомъ предметѣ? Нѣтъ, самъ Ибервегъ,—столь же рѣшительный противникъ гегелевской діалектики, какъ и Тренделенбургъ,—находитъ, что тутъ надо разсуждать уже согласно другому правилу, а именно, согласно правилу *сочетанія противоположностей* (*principium coincidentiae oppositorum*). Но огромнѣйшее большинство тѣхъ явленій, съ которыми имѣтъ

*) См. предисловіе ко второму нѣмецкому изданію I-го тома „Капитала“.

**) Ibid., іюнь, стр. 64. *Парменидъ* въ своей полемикѣ съ учениками *Гераклита* называлъ ихъ *двухголыми философами*, которыми вещи представляются одновременно въ двоякомъ видѣ: какъ существующія и какъ не существующія. Г-нъ Н. Г. выдаетъ теперь за философское положеніе то, что у Парменида было ѣдкой полемической выходкой. Какой, „съ божьей помощью“, прогрессъ въ пониманіи „первыхъ вопросовъ“ философіи!

дѣло естествознаніе и общественная наука, принадлежать къ числу „предметовъ“ именно этого рода: въ самомъ простомъ комочкѣ протоплазмы, въ жизни самаго неразвитаго общества объединяются прямо-противоположныя явленія. Стало быть, въ естествознаніи и въ общественной наукѣ необходимо отвести широкое мѣсто діалектическому методу. И съ тѣхъ поръ, какъ ему было отведено такое мѣсто въ названныхъ наукахъ, онѣ сдѣлали по истинѣ колоссальныя успѣхи.

Хотите-ли, читатель, знать, какъ завоевала діалектика свои права въ біологіи? Припомните споры о томъ, что такое *видъ*, вызванные появленіемъ теоріи трансформизма. Дарвинъ и его сторонники держались того мнѣнія, что различные виды одного и того же рода животныхъ или растеній являются не чѣмъ инымъ, какъ разнообразно развившимися потомками одной той же первоначальной формы. Кромѣ того, согласно ученію о развитіи, всѣ роды одного и того же порядка тоже происходятъ отъ одной общей формы, и то же самое нужно сказать обо всѣхъ порядкахъ одного и того же класса. По противоположному взгляду противниковъ Дарвина, всѣ животные и растительные виды совершенно независимы одинъ отъ другого, а отъ одной общей формы происходятъ только индивидуумы, принадлежащіе къ одному и тому же виду. То же понятіе о видѣ выражалъ уже Линней, говоря: „видовъ существуетъ столько, сколько ихъ первоначально создало Высшее Существо“. Это — чисто метафизическій взглядъ, потому что метафизикъ разсматриваетъ вещи и понятія, какъ отдѣльные, неизмѣнные, застывшіе, разъ навсегда данныя предметы, подлежащіе изслѣдованію одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого (Энгельсъ). А діалектикъ разсматриваетъ вещи и понятія, — по словамъ того же Энгельса, — „въ ихъ взаимной связи, въ ихъ сдѣвленіи, въ ихъ движеніи, въ ихъ возникновеніи и уничтоженіи“. И этотъ взглядъ проникъ въ біологію со времени Дарвина и навсегда останется въ ней, какія бы поправки ни внесло въ теорію трансформизма дальнѣйшее развитіе науки.

Чтобы понять важное значеніе діалектики въ *соціологіи*, достаточно вспомнить, какимъ образомъ *соціализмъ изъ утопіи* превратился въ науку.

Соціалісты-утопісты стояли на отвлеченной точкѣ зрѣнія человѣческой природы и судили объ общественныхъ явленіяхъ по формулѣ: „да—да и нѣтъ—нѣтъ“. Собственность *или* соотвѣтствуетъ человѣческой природѣ, *или не* соотвѣтствуетъ ей; моногамическая семья *или* соотвѣтствуетъ, *или не* соотвѣтствуетъ этой природѣ и такъ далѣе, и такъ далѣе. Такъ какъ природа человѣка предполагалась неизмѣнной, то соціалісты имѣли право ожидать, что между многими *возможными* системами общественнаго устройства есть такая, которая соотвѣтствуетъ названной природѣ *больше*, чѣмъ *всѣ другія*. Огюста—стремленіе найти эту *наилучшую*,—т. е. наиболѣе соотвѣтствующую человѣческой природѣ,—*систему*. Каждый основатель школы *думалъ, что онъ нашелъ такую систему*; каждый основатель школы предлагалъ *свою утопію*. Марксъ внесъ въ соціализмъ діалектическій методъ и тѣмъ сдѣлалъ его *наукой*, нанеся смертельный ударъ *утопізму*. У Маркса уже нѣтъ апелляціи къ человѣческой природѣ; онъ не знаетъ такихъ общественныхъ учрежденій, которыя *или* соотвѣтствуютъ, *или не* соотвѣтствуютъ ей. Уже въ „*Нищеть Философіи*“ мы встрѣчаемъ слѣдующій знаменательный и характерный упрекъ Прудону: „Г. Прудонъ не знаетъ, что вся исторія есть не болѣе, какъ постоянное измѣненіе человѣческой природы“ (*). Въ „*Капиталъ*“ Марксъ говоритъ, что человѣкъ, дѣйствуя на внѣшній міръ и видоизмѣняя его, измѣняетъ тѣмъ самымъ и свою собственную природу (**).

Это діалектическая точка зрѣнія, проливающая совсѣмъ новый свѣтъ на вопросы общественной жизни. Возьмемъ хоть вопросъ о частной собственности. Утопісты очень много писали и спорили между собою и съ экономистами по вопросу о томъ, должна-ли она существовать, т. е. соотвѣтствуетъ-ли она человѣческой природѣ. Марксъ поставилъ этотъ вопросъ на конкретную почву. По его ученію, *формы собственности и имущественныя отношенія определяются развитіемъ производительныхъ силъ*. Одной ступени развитія этихъ силъ соотвѣтствуетъ одна

*) Misère de la philosophie, nouvelle édition, Paris, 1893, p. 204.

**) Das Kapital, III Auflage. S. S. 155—156.

форма; другой—другая, а *абсолютнаго рѣшенія* тутъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что все течетъ, все измѣняется; „мудрость становится безуміемъ, блаженство—мукой“.

Гегель говорилъ: „противорѣчіе ведетъ впередъ“. И этому его діалектическому взгляду наука находитъ блестящее подтвержденіе *въ борьбѣ классовъ*,—забывая о которой, нельзя ничего понять въ развитіи соціальной и духовной жизни общества, раздѣливагося на *классы*.

Но почему „логика противорѣчія“,—представляющая собою, какъ мы видѣли, отраженіе въ человѣческомъ умѣ вѣчнаго процесса движенія,—называется *діалектикой*? Чтобы не входить въ пространныя разсужденія на этотъ счетъ, я даю слово Куно Фишеру:

„Человѣческую жизнь можно сравнить съ діалогомъ въ томъ отношеніи, что съ возрастомъ и жизненнымъ опытомъ наши взгляды на людей и вещи постепенно преобразовываются, какъ мнѣнія разговаривающихъ лицъ въ теченіе плодотворной и богатой идеями бесѣды. Въ этомъ непронзвольномъ и необходимомъ преобразованіи нашихъ взглядовъ на жизнь и міръ и состоитъ опытъ... Поэтому Гегель, сравнивая ходъ развитія сознанія съ ходомъ философской бесѣды, называетъ его словомъ: *діалектика* или діалектическое движеніе. Это выраженіе примѣняли уже Платонъ, Аристотель и Кантъ въ важномъ и различномъ у каждаго изъ нихъ смыслѣ; но ни въ одной системѣ оно не получило такого обширнаго значенія, какъ у Гегеля“ (*).

Многіе не понимаютъ также, почему взгляды, подобные, на примѣръ, взгляду Линнея на животныя и растительныя виды, называются *метафизическими*. Кажется, какъ будто слова: *метафизика, метафизическій*—означаютъ нѣчто совсѣмъ другое. Постараемся разъяснить и это.

Что такое *метафизика*? Каковъ ея предметъ?

Ея предметомъ служитъ такъ называемое *безусловное* (абсолютное). А какова главная, отличительная черта *безусловнаго*? *Неизмѣнность*. Оно и неудивительно: *безусловное* не зависитъ отъ обстоятельствъ (*условій*) времени и мѣста, видоизмѣ-

*) Гегель, его жизнь и сочиненія, полумомъ первый, переводъ Н. О. Лоссакаго, Спб., стр. 308.

няющих доступные намъ конечные предметы; поэтому оно и не измѣняется. А какова главная отличительная черта тѣхъ понятій, съ которыми оперировали и оперируютъ люди, называемые на языкѣ діалектики метафизиками? Отличительная черта этихъ понятій тоже заключается въ неизмѣнности, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Линнеева ученія о видѣ. Эти понятія по-своему тоже безусловны. Значитъ ихъ природа тождественна съ природой понятія о безусловномъ, составляющемъ предметъ метафизики. Поэтому Гегель и назвалъ метафизическими всѣ тѣ понятія, которыя вырабатываются (по его терминологіи) *разсудкомъ*, т. е. которыя принимаются за неизмѣнные и отдѣльные одно отъ другого непереходимую пропасть. Покойный Ник. Михайловскій думалъ, что Энгельсъ былъ первымъ писателемъ, употребившимъ термины „метафизическій“, „діалектическій“ въ извѣстномъ намъ теперь смыслѣ. Но это не вѣрно. Начало такой терминологіи положено еще Гегелемъ *).

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что у Гегеля была своя метафизика. Я не отрицаю: была. Но его метафизика сливается съ діалектикой, а въ діалектикѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго; въ ней все движется, все измѣняется.

Когда я садился писать это предисловіе, я намѣревался остановиться на той рецензіи, которую г. Бердяевъ посвятилъ въ „Вопросахъ Жизни“ Анти-Дюрингу Энгельса, недавно вышедшему въ рускомъ переводѣ. Теперь я вижу, что мнѣ невозможно исполнить это намѣреніе по недостатку мѣста. Я не очень сожалею объ этомъ. Рецензія г-на Бердяева убѣдитъ только тѣхъ читателей, которые уже были убѣждены, и которыхъ поэтому не нужно было убѣждать. А сами по себѣ мнѣнія г. Бердяева вниманія не заслуживаютъ. Спиноза говоритъ о Бэконѣ, что тотъ не доказываетъ своихъ мнѣній, а только описываетъ ихъ. То же можно было бы сказать и о г. Бердяевѣ, если-бы его способъ изложенія своихъ мыслей не характеризовался еще лучше словомъ: декретируетъ. Но когда описываетъ или хотя бы декретируетъ свои взгляды такой мыслитель, какъ Бэконъ, то въ его декретахъ и

описаніяхъ встрѣчается чрезвычайно много цѣннаго. А когда декретировать принимается такая путанная голова, какъ голова г. Бердяева, то изъ этого рѣшительно ничего поучительнаго не выходитъ.

Впрочемъ, нѣтъ. Изъ декретовъ г. Бердяева видно, въ чемъ заключается, съ точки зрѣнія практическаго разума, главный недостатокъ міросозерцанія Энгельса. Онъ состоитъ въ томъ, что оно мѣшаетъ превращенію *соціальной демократіи* въ *буржуазную*. А это очень интересно. И мы такъ и запишемъ.

Shexbres s. Vevey. 4 іюля 1905 г.

Г. Плехановъ.

*) Ср. 31—§ перваго тома его большой энциклопедіи.